

Горлов В. Н.
Артёмов С. Н.
(Москва)

УДК 94(470)

СТАНОВЛЕНИЕ СОЦИАЛЬНОГО ЗАКАЗА ГЕНЕРАЛЬНОГО ПЛАНА РЕКОНСТРУКЦИИ МОСКВЫ 1935 ГОДА

Задача данной статьи – показать, как складывался социальный заказ, и как на его основе формировалась концепция Генерального плана реконструкции города Москвы 1935 г. Следует обратить внимание, что специальных исследований, посвященных подготовке Генерального плана реконструкции Москвы 1935 г., слишком мало. В основном, затрагивались проблемы реализации этого плана, но не исследовался вопрос формирования его социального заказа. В статье отмечается, что каждое поколение обогащало, дополняло и вносило новые штрихи в развитие Москвы, акцентируется внимание на определенных политических, экономических, социокультурных особенностях Москвы, складывающихся в 1920-1930-е гг. В статье уделяется внимание не только постановлению «О генеральном плане реконструкции города Москвы» от 10 мая 1935 г., но и другим важнейшим партийным документам, в первую очередь, решениям июньского (1931 г.) пленума ЦК ВКП (б), сформулированным в резолюции пленума от 15 июня 1931 г. «О Московском городском хозяйстве и о развитии городского хозяйства СССР». В статье анализируются причины социалистической перестройки Москвы, планомерного и комплексного развития города, радикального улучшения бытовых и культурных условий жизни москвичей. Идеологические причины преобладали при подготовке плана реконструкции столицы, т.к. необходимо было показать преимущества советской общественной системы. Именно в 1930-е гг. был сформирован современный облик Москвы. Исследование выполнено на основе проблемно-исторического анализа с учётом социальных условий того времени.

Ключевые слова: пленум, жилищное строительство, Москва, реконструкция, архитектура, благоустройство, Генеральный план, городское хозяйство, планировка.

The purpose of this article is to show how the social order was formed and how the concept of the General Plan for the reconstruction of the city of Moscow in 1935 was formed on its basis. It should be noted that there are too few special studies devoted to the preparation of the General Plan for the Reconstruction of Moscow in 1935. The problems of the implementation of this plan were mainly touched upon, but the issue of the formation of its social order was not investigated. The article notes that each generation enriched, supplemented and brought new touches to the development of Moscow, focuses on certain political, economic, socio-cultural features of Moscow, emerging in the 1920s-1930s. The article pays attention not only to the resolution "On the general plan for the reconstruction of the city of Moscow" of May 10, 1935, but also to other important party documents, primarily the decisions of the June (1931) plenum of the Central Committee of the CPSU (b), formulated in the resolution of the plenum of June 15, 1931. "About the Moscow urban economy and the development of the urban economy of the USSR". The article analyzes the reasons for the socialist restructuring of Moscow, the planned and comprehensive development of the city, and the radical improvement of the living and cultural conditions of Muscovites. Ideological reasons prevailed in the preparation of the reconstruction plan of the capital, because it was necessary to show the advantages of the Soviet social system. It was in the 1930s that the modern look of Moscow was formed. The study was carried out on the basis of a problem-historical analysis taking into account the social conditions of that time.

Keywords: plenum, housing construction, Moscow, reconstruction, architecture, landscaping, master plan, urban economy, layout.

DOI: 10.24888/2410-4205-2023-34-1-20-31

Каждый город в зависимости от своей роли в обществе создает условия для экономического и социального воспроизводства человеческой деятельности и самих людей. Понятно, что у Москвы эта роль особого рода, ибо касается создания условий для воспроизводства деятельности, выходящей далеко за пределы не только города, но и страны. История планировки и застройки Москвы показывает, что сложившаяся в глубокой древности структура центра позже, по мере развития государства и самой столицы, постоянно нуждалась в обновлении и приведении её в соответствие с новыми функциональными и эстетическими требованиями. Формирование её облика в целом, а также столичного центра, главных площадей и ансамблей – не только серьезная архитектурно-художественная, но и идеологическая задача.

К 1926 г. быстрое развитие промышленности и рост населения Москвы требовали от городского хозяйства непрерывного увеличения производственных мощностей. Особенно тяжелым было положение жилищного хозяйства (с 1923 г. по 1926 г. жилая площадь увеличилась на 20,7 проц., а население Москвы выросло на 42 проц.) [9, с. 167]. Темпы жилищного строительства в Москве сильно отставали от потребностей быстро растущего населения города. Ежегодно в столице в среднем прибавлялось свыше 162 тысяч жителей [5, с. 40].

В резолюции «По жилищному строительству» объединенного Пленума ЦК и ЦКК ВКП(б), состоявшегося в июле 1926 г., было указано, что «жилищный вопрос в быту рабочих становится одним из наиболее острых вопросов, без положительного решения которого невозможно сколько-нибудь значительное улучшение положения рабочих» [7, с. 351]. В связи с этим, Пленум наметил программу улучшения жилищных условий трудящихся.

Вступление в строй ряда крупных промышленных предприятий и значительное увеличение населения в 1929-1930 гг. поставили городское хозяйство Москвы в чрезвычайно тяжелое положение. К этому времени городское хозяйство Москвы, база которого в основном была дореволюционной, исчерпало свои производственные возможности и не могло обеспечить потребности промышленности и населения города. Достаточно сказать, что к 1931 г. население Москвы выросло по сравнению с 1912 г. на 73 проц., промышленность – на 200 проц., а трамвайная сеть – всего на 61 проц., канализация – на 40 проц., осветительная сеть – на 34 проц. [5, с. 18]. Подобное положение грозило ухудшить условия жизни москвичей, затормозить выполнение плана промышленного строительства, развернувшегося в Москве по пятилетнему плану.

На Пленуме ЦК ВКП(б) 15 июня 1931 г. рассматривался вопрос «О московском городском хозяйстве и о развитии городского хозяйства в СССР» [15, с. 320-333]. Важнейшей политической задачей становится реконструкция столицы для преобразования Москвы в образцовый социалистический город. В резолюции пленума говорилось о разработке Генерального плана реконструкции Москвы.

Ещё до Пленума по указанию Политбюро ЦК ВКП(б) была образована специальная правительственная комиссия, которая представила предложения о развитии городского хозяйства Москвы. Было намечено большое жилищное строительство, создание широкой сети общественных столовых, детских садов и яслей, продовольственных и промтоварных магазинов. Предусматривалось развитие топливного хозяйства, водоснабжения и канализации, дальнейшее озеленение городской территории. Реконструкции подвергались сотни улиц и площадей, общая протяженность которых составляла 600 км. Намечалось расширение автобусного движения, создание в Москве троллейбусного транспорта и, как самое радикальное

средство разрешения трудностей с пассажирскими перевозками – строительство метрополитена [5, с. 42-44].

Полностью одобрив разработанные Политбюро мероприятия, Пленум ЦК поставил перед МК ВКП(б) и Моссоветом задачу «скорейшего приведения плана развития городского хозяйства в соответствие с бурным ростом промышленности и населения и соответственной распланировки г. Москвы как социалистической столицы пролетарского государства» [8, с. 549]. Решения Пленума ЦК направили развитие городского хозяйства Москвы по новому пути, пути социалистической реконструкции важнейших отраслей городского хозяйства.

В резолюции московского партактива от 19 июня 1931 г. отмечалось: «Центральный Комитет поставил вопросы московского хозяйства не только под углом зрения устранения вопиющих текущих недостатков. Пленум поставил во всю ширь задачи коренной реконструкции и перестройки Москвы в соответствии с потребностями социалистической столицы пролетарского государства...» [6]. В свою очередь, президиум Исполкома Моссовета принял решение провести в Москве работу по разъяснению трудящимся решений ЦК ВКП(б) с тем, чтобы сделать идеи плана реконструкции города близкими и понятными массам.

Создание новой планировки города включало не только разработку новой схемы московских улиц, переулков и площадей с соответствующей их застройкой, но и вопросы общего благоустройства. Осуществление всего этого комплекса мероприятий должно было идти по разным направлениям: выравнивание улиц, создание новых площадей, выбор участков для постройки крупных зданий (Домов культуры, театров, многоэтажных жилых домов и т.п.). Поэтому нужно было критически оценить планировочные схемы, разработанные в предшествующие годы в качестве основы будущей перестройки Москвы.

Планировочным комитетом при Моссовете предлагался план Большой Москвы, где исходя из исторически сложившейся застройки города предлагалась кольцевая система планировки. Территория Большой Москвы делилась на несколько зон равного назначения, идущих в виде колец от центра к периферии и завершающихся оградительной лесной зоной.

Один из руководителей разработки Генплана 1935 г. Л. М. Каганович на Пленуме Моссовета 11 июля 1934 г. говорил: «...По мнению тов. Сталина, для нас неприемлема и позиция тех, кто отрицает самый принцип города, кто тянет нас к оставлению Москвы большой деревней, и позиция сторонников излишеств урбанизации» [16, с. 121].

10 июля 1935 г. ЦК ВКП(б) и СНК СССР приняли постановление «О Генеральном плане реконструкции города Москвы» [10]. Генеральный план намечал широкую программу комплексной реконструкции и дальнейшего развития всех отраслей хозяйства города.

Предварительный проект плана на протяжении четырех лет неоднократно рассматривался на совещаниях в ЦК ВКП(б), в МК и МГК партии, при участии руководителей правительства, представителей общественных организаций, архитекторов, инженеров, строителей. После каждого такого обсуждения проект плана подвергался доработке и лишь после этого был утвержден как Генеральный план реконструкции Москвы.

В постановлении СНК СССР и ЦК ВКП(б) отмечалось, что «задача партийных и советских организаций Москвы состоит не только в том, чтобы выполнить формально план реконструкции г. Москвы, но прежде всего в том, чтобы строить и создавать высококачественные сооружения для трудящихся, чтобы строительство столицы СССР и архитектурное оформление столицы полностью отражали величие и красоту социалистической эпохи» [10, с. 15].

Данное постановление ознаменовало начало процесса комплексных реконструкций и развития столицы при строгом идеологизированном подходе ко всем градостроительным документам переустройства Москвы. Сохраняя радиально-кольцевую планировку Москвы, авторы генплана хотели тем самым сохранить историческое наследие города. Заложенные в Генплане 1935 г. социалистические принципы построения городской среды предусматрива-

ли ликвидацию структурных делений территорий города на аристократические центры и рабочие окраины. Основным принципом застройки являлась компактность городского массива, ставилась задача ликвидации противоположности богатого центра и нищих окраин. В связи с этим, намечалось равномерное размещение по всему городу общественных и культурно-бытовых сооружений. Стирались границы кварталов, предназначенных для разных слоев населения. Принципы формирования жилых кварталов отражали взгляды на идеалы жилья. Были сделаны первые предложения по культурно-бытовому обслуживанию населения. Озеленение расценивалось как важнейший фактор гигиенического комфорта города и отдыха населения.

В подготовке этого документа принимали участие виднейшие специалисты различных профессий. Это была консолидация творческих сил, в результате которой были сформулированы основные принципы развития социалистического города. Постановление обсуждалось на общемосковском партийном активе, на пленумах райкомов и райсоветов, в первичных партийных организациях, на собраниях рабочих и служащих.

Сегодня, когда к проблемам застройки Москвы привлечено внимание самой широкой общественности, нередко раздаются голоса, предлагающие пересмотреть привычную для нас положительную оценку Генерального плана реконструкции Москвы 1935 г. Горячие головы даже склонны обвинять авторов плана в потере своеобразия города, в потере архитектурных памятников.

Нет более бесперспективного занятия, чем судить одно время по законам другого. В 1930-е гг. шло строительство столицы первого в мире социалистического государства, которой не мог соответствовать город, сложившийся к началу XX века. Коренная реконструкция столицы социалистического государства была неизбежной, её диктовала искренняя и вдохновенная воля советского общества, видевшего в столице эталон разумного и прекрасного города будущего. Архитекторов вдохновляло строительство нового, пролетарского, социалистического города.

Как любой крупномасштабный партийно-правительственный документ, постановление, с одной стороны, фиксировало определенный уровень разработки проблемы на данный момент, а с другой – нацеливало на её развитие. Несомненно, что специалисты, причастные к созданию этого чрезвычайно важного документа, не могли не знать о том, что в планировочном подразделении Московского отдела коммунального хозяйства (МОКХ), ведавшего в это время вопросами планировки и застройки Москвы, за год до проведения пленума ЦК ВКП (б) была разработана и опубликована анкета, в ответах на которую советская «рабочая, политическая и научно-техническая общественность» должна была выразить своё отношение к проблемам реконструкции Москвы, поскольку на вопрос о том, какой быть Москве, «должен ответ дать не архитектор, а вся общественность». И «только после такого общественного голосования можно предъявить архитектору социальное задание, социальный заказ», – так писал С. Горный (один из ведущих сотрудников МОКХ) [3, с. 17].

«Планировка Москвы, – писал журнал «Коммунальное хозяйство», – вступает в новую стадию, приближающую её к практическим решениям – МОКХ объявляет конкурс на планировку Москвы. Какие же принципы кладутся в основу задания, каков социальный заказ? Для проверки своих установок через широкую общественность МОКХ организовал опрос среди разных слоёв общественности – рабочих, политических деятелей, инженеров, врачей, экономистов» [3, с. 15].

Что же интересовало авторов анкеты? Их интересовали политическое, экономическое, культурное развитие столицы, будущее исторической территории Москвы, индустриальное развитие Москвы, организация жилищного строительства, рост населения столицы и его размещение.

Среди ответивших на анкету член президиума исполкома Коминтерна В. Коларов, заместитель председателя Госплана СССР С. Струмилин, директор Института К. Маркса и

Ф. Энгельса Д. Рязанов, нарком здравоохранения Н. Семашко, врач С. Гуревич, экономисты Г. Пузис (Госплан РСФСР), М. Барсуков и Л. Сабсович (Госплан СССР), профессор П. Ляшенко (НИИ сельскохозяйственной экономики), инженер-транспортник проф. В. Образцов, архитекторы В. Бабуров, В. Балихин, Н. Докучаев, В. Кринский, К. Мельников, А. Рухлядев, М. Туркус и др. [17, с. 249-256]. Понятно, что все эти люди так или иначе были связаны с проблемами реконструкции Москвы, но важно, что далеко не все они были архитекторами, а в большей своей части представляли техническую интеллигенцию. Тем не менее, несмотря на весьма неоднородный состав ответивших на анкету, а также на широкий спектр предложений, содержащихся в ответах, все анкетированные были единодушны в том, что Москву надлежит коренным образом переустраивать. При этом Москва трактовалась как «центр мировой пролетарской Революции», как «административно-хозяйственный и политический центр СССР», который должен «принять формы научно-директивного центра», как промышленный центр всесоюзного значения (в этом было убеждено большинство ответивших на анкету). Какие бы вопросы ни затрагивали анкетированные – транспорт или жилищное строительство, озеленение или размещение промышленных предприятий, они вновь и вновь возвращались к проблеме Москвы как международной столицы.

Это было далеко не случайно, так как основной вопрос о том, какой должна быть Москва через полтора десятилетия, практически для всех участников опроса приобретал смысл, становившийся главным: «чем должна быть Москва в условиях мировой революции». Именно с этой точки зрения отвечали на вопросы В. Коларов, П. Ляшенко, Г. Пузис, А. Рухлядев, Л. Сабсович, С. Струмилин.

Понятно, что этому высокому назначению не мог соответствовать старый город с узкими улицами, малопригодными для современного транспорта, с отсутствием крупных общественных зданий, символизирующих новый строй, новую эпоху, новые эстетические идеалы. В соответствии с генпланом в первую очередь перестраивался центр столицы, который приобрёл в те годы свой нынешний вид. Город рассматривался как система ансамблей площадей и улиц, отражающих величие и красоту социалистической действительности.

Таким образом, вопрос о перепланировке Москвы сразу же перерастал из вопроса чисто градостроительного в вопрос огромной идеологической важности, в вопрос политический. Соображениями такого рода пестрят страницы газет и журналов того времени. «Гигантские задачи по социалистическому строительству и новому строительству Москвы, четко поставленные и решенные июньским пленумом ЦК и практическими предложениями МК и Моссовета, требуют полного архитектурного отражения в строительстве эпохи переходного к социализму периода, требуют четко выраженной классовой пролетарской архитектуры [18, с. 8-9], «обострение классовой борьбы, ожесточенное противодействие чувствующих близкую гибель классово-враждебных сил ставят вопрос о вовлечении в классовую борьбу всех видов искусства, а следовательно и архитектуры... Давно пора поставить вопрос о создании в плановом порядке комплексного архитектурного оформления города, отражающего идеологию пролетариата и являющегося мощным орудием классовой борьбы» [2, с. 35].

Здесь следует отметить одну существенную особенность: выработка концепции генерального плана шла в годы господства конструктивизма (первый эскиз, легший в основу плана, относится к 1932 г.), тогда как представления о художественно-образных характеристиках города складывались несколько позже, когда советская архитектура повернулась лицом к освоению наследия прошлого. Жизненность генерального плана, его способность адаптироваться к новым условиям, которые ставила перед Москвой жизнь, лишней раз свидетельствуют о том, что крепкая функциональная подоснова, которой, несомненно, обладал генеральный план 1935 г., давала возможность городу развиваться и на следующих этапах. Иными словами, на базе хорошо продуманного генерального плана могут развиваться и существовать различные стилевые направления, он не исчерпывается только теми художе-

ственными предпочтениями, которые преобладают в дни его создания. Об этом свидетельствует весь опыт мировой архитектуры.

Тем не менее, несмотря на подход к планировке города, прежде всего, исходя из условий его нормального функционирования, в ответах содержится отношение к памятникам старины (кстати, прежде всего этот вопрос волновал архитекторов). Так, члены МАО¹ и АСНОВА², почти никогда не совпадавшие друг с другом во взглядах, единодушно утверждали: «Старая Москва как исторический центр должна быть сохранена», «старую Москву (в кольце «Б») оставить без особых перепланировок, создав в ней культурно-просветительный центр страны, где должны быть оставлены все историко-революционные и имеющие историко-архитектурную ценность здания». Говорилось и о сохранении «наиболее значительных архитектурных памятников, разбросанных в отдельных частях города», о том, что Москва должна сохранить «наглядные свидетельства своего культурного роста», что Москву в пределах Садового кольца «оставить без особых перепланировок, создав в ней культурно-просветительный центр страны, где должны быть оставлены все историко-революционные и имеющие историко-архитектурную ценность здания». Было убеждение в необходимости сохранить архитектурный ансамбль Красной площади, храм Василия Блаженного, ансамбль Кремля, стены Китай-города, Большой театр, фонтан на Свердловской площади, подмосковные усадьбы в Архангельском, церкви в Филях и Коломенском, а «на остальной территории города» - «памятники архитектуры, имеющие действительно большое художественное значение». К таким зданиям не относились, по мнению опрошенных, постройки конца XIX – начала XX в., в их числе – Верхние торговые ряды на Красной площади (ныне ГУМ), храм Христа Спасителя и т.д. [17, с. 249-256].

Понимание художественной ценности этих сооружений придет лишь спустя несколько десятилетий, а в тридцатые годы понятие «модерн» сопровождалось, как правило, определением «дурной вкус», понятие «эклектика» несло в себе оценочный смысл, причем сугубо отрицательный, поиски московских зодчих рубежа XIX-XX вв. в области национальной архитектуры напрямую связывались с идеологией «самодержавия, православия и народности».

Понятно поэтому, что на месте многих сооружений, построенных на рубеже XIX – XX вв. предполагалось возвести здания, отражающие новую эпоху: Дом СССР, музей Революции, Музей Красной Армии, институты, научные и культурно-просветительные учреждения и т.д. Двумя-тремя годами позже это стремление выльется в проектирование, а затем и начало строительства Дворца Советов на месте храма Христа Спасителя, Дома Наркомтяжпрома на месте ГУМа т.д.

Такое замещение одних символов другими было в логике развития культуры того времени, когда всему новому отдавалось решительное предпочтение перед старым, а борьба с религией приобретала нередко формы борьбы с материальными её носителями – культовыми сооружениями, что приводило в лучшем случае к их непродуманной эксплуатации, в худшем – к сносу. К популярным лозунгам того времени относятся: «Построим на месте очага мракобесия очаг пролетарской культуры», «На месте храма – оплота темноты и невежества – воздвигается Дворец Советов» [1, с. 1].

Не менее заинтересованно, чем техническая интеллигенция, отнеслись к проблемам перепланировки Москвы и самые широкие слои трудящихся города, его жители. Их письма в газеты и журналы, выступления на различного рода обсуждениях, которыми столь богато начало тридцатых годов, не дают усомниться в том, что подавляющее их большинство ви-

¹ Московское архитектурное общество – первое творческое объединение московских архитекторов и инженеров-строителей.

² Первая самостоятельная в советской архитектуре творческая организация «Ассоциация новых архитекторов».

дело в мечтах совершенно новый город, не похожий на тот, в котором они жили. Складываются новые стереотипы представлений: если магистрали, то прямые, как стрела, если площади, то просторные, если жилые кварталы, то наполненные светом и воздухом.

В наказах избирателей во время выборов в Моссовет содержалось немало требований к планировке Москвы и её отдельных частей. Москвичи просили сделать схему планировки города, подготовить новый план столицы, исключить постройку узких улиц и переулков, увеличить ширину улиц, определить порядок сносимых кварталов и их застройки. [13, с. 11-12].

Из письма рабочего в секцию благоустройства Моссовета читаем: «Мы сносим целые кварталы домов, стены и другие здания, дабы расширить улицы и выпрямить их и тем делаем большие удобства для жителей, а также сам город красивее и чище – это только можно приветствовать и Моссовет благодарить». Далее следует претензия, почему не сносят дом на углу Кривоколенного переулка, который мешает движению [12, с. 9].

А вот что предлагали избиратели в связи с благоустройством города: снести бывший Страстной монастырь и разбить на его месте сквер (рабочие фабрики «Мосбельё, №9»), снести церковь в Подколокольном переулке, мешающую движению (избиратели Наркомвода, Внешторгтранса, Союзпечати и Метропроекта), снести церковь Покрова на Баррикадной улице и на её месте разбить сквер (работники Аэрофлота), снести церковь у Яузских ворот и построить на её месте жилой дом (рабочие 1-го Шарикоподшипникового завода), расширить Нижнюю Красносельскую площадь, снеся там церковь (рабочие Паровозного депо Московско-Казанской железной дороги), снести остатки бывшего Сретенского монастыря и построить на освобожденном участке «соответствующее нашей архитектуре здание» (домохозяйка Сокольнического района), снести в центре Москвы, в частности в Зарядье, дома-карлики и построить на их месте современные благоустроенные дома (рабочие «Электропрома»), на месте церкви Покровской общины построить фабрику-кухню (избиратели фабрики №12 искусственной шерсти треста Моссукно), реконструировать Покровские ворота, снеся квартал между Хохловской площадью и площадью Покровских ворот, на освобожденной территории разбить сквер и проложить трамвайные пути (строители гостиницы Моссовета, ныне гостиница «Москва») [4, с. 33-34].

Как видим, способы реконструкции самым разным людям виделись одинаково и сводились, в конечном итоге, к расширению и спрямлению улиц, к их озеленению за счет сноса существующих построек. И церкви страдали, в первую очередь, не только потому, что отождествляли собой религию (или религиозные предрассудки, как это было принято называть в те годы), но и потому, что в перенаселенной, страдающей острой нехваткой жилья Москве сносить жилые дома было невозможно, а потребность в изменении городского пейзажа ощущалась весьма настоятельно. Добавим попутно, что уже в начале тридцатых годов облик Москвы начал стремительно меняться. В 1932 г. на многих улицах города развернулась надстройка зданий – это был один из способов немного облегчить сложнейшее положение с жильем. Подраставшие на несколько метров дома (они надстраивались обычно на 2 этажа) меняли привычный масштаб застройки, требовали расширения улиц, создания свободных озелененных пространств.

Та же потребность отчетливо выявлена и в партийно-советских документах тех лет. Так, 23 сентября 1933 г. было принято постановление бюро МГК ВКП(б) и президиума Моссовета РК и КД¹, в котором говорилось: «Задача разработки нового плана Москвы, на основе указаний партии и тов. Сталина, ставится жизнью со всей остротой. Рост города, исключительное усиление движения в условиях узких, искривленных улиц, даже на главных магистралях, и крайней запутанности города сотнями переулков и тупиков, требуют ускоренной разработки нового плана Москвы. Этот план, наряду с конкретной практической ра-

¹ РК и КД – рабочих, крестьянских и красноармейских депутатов

ботой по выравниванию и расширению улиц, в особенности главных радиальных магистралей, с использованием земель, занятых в большом количестве дворами и хаотично застроенными мелкими, старенькими зданиями, должен предусмотреть также прокладку новых улиц и в особенности создание нового центра строительства по линии набережной реки Москвы и, в связи со строительством канала Волга-Москва, обводнение реки Яузы и создание ряда каналов в г. Москве» [11, с. 5].

Исходя из указаний ЦК ВКП(б) Московский комитет партии и Московский Совет провели коренную реорганизацию проектно-планировочного дела. В 1932 г. было организовано специальное Архитектурно-планировочное управление при Моссовете, в Москве была создана система проектных мастерских. Благодаря перестройке всего проектно-планировочного дела в короткий срок (1932-1934 гг.) удалось разработать генеральную схему планировки Москвы.

14 июля 1934 г., т.е. ровно за год до того, как генеральный план был утвержден, в ЦК ВКП(б) состоялось совещание, на котором рассматривались вопросы планировки Москвы. «На этом совещании, - писал год спустя главный архитектор отдела планировки Моссовета С. Е. Чернышев, - тов. Сталин наметил пути роста прекрасного города – Москвы, создания широких улиц, красивых площадей, мощных зеленых массивов, полноводных рек и хороших благоустроенных домов» [19, с. 11].

А через два дня после совещания в ЦК проходил пленум Московского Совета с участием рабочих-ударников и инженерно-технических работников московских фабрик, заводов и Метростроя, посвященный обсуждению вопросов строительства метро. Пленум обратился с приветствием к Сталину. В нем говорилось: «Нам подробно рассказали о твоём выступлении 14 июля на совещании в Центральном Комитете, посвященном планировке города Москвы, где ты поставил перед нами задачи огромнейшей важности в работе по реконструкции Москвы. Твое выступление на этом совещании подвело итог большой проделанной нами работе и даёт нам уверенность в правильности путей развития Москвы, которые были намечены Московским комитетом партии и Моссоветом» [14, с. 1-2].

Таким образом, уже проделанная к этому моменту работа над генеральным планом получила высшее одобрение. Более того, основные положения генерального плана, уже сформулированные к этому времени, как бы получили новое авторство, делавшее их не только обязательными к исполнению, но и непогрешимыми. Формирование социального заказа закончилось.

Суммируя, можно говорить о том, что процессы формирования социального заказа на генеральный план и кристаллизации его концепции шли параллельно. При этом не следует забывать, что архитекторы, работавшие над планировкой Москвы, были не только профессионалами, но и гражданами, что для времени создания генерального плана более чем существенно. Они не могли не ощущать (кстати, это входит и в понятие профессионализм) духа своей активной эпохи, пронизанной идеями преобразования. Естественно, что из нескольких схем перепланировки Москвы, бывших в распоряжении руководства города после проведенного в 1931 г. конкурса [17, с. 249-256], была выбрана та, что наиболее полно отвечала общественным устремлениям. Социальный заказ возникает, когда есть массовый потребитель и появляется необходимость решать его насущные проблемы. Необходимо учитывать, что архитектурные представления об идеальной пространственной организации для всех членов общества должны рассматриваться в контексте общественно-политического строя, экономического устройства государства, эпохи в целом. Эти представления отражаются в задачах, которые обычно выдвигаются в виде долгосрочных программ, в т.ч. и в области архитектурно-градостроительной, жилищной политики. И в ходе работы над генеральным планом, который находился под неусыпным вниманием как трудящихся, так и руководства, в него вносились необходимые коррективы, приближавшие его к достаточно отчетливо сформулированному идеалу.

Важно отдать себе отчет в том, какой же круг проблем стоял перед архитекторами, социологами, экономистами и специалистами других смежных областей деятельности, занимающимися планированием и проектированием развития Москвы, какими могут быть новые способы решения проблем архитектурно-градостроительного развития столицы.

В различные исторические периоды проблемы архитектурно-градостроительного развития осмыслялись и воплощались в практику по-разному. Одной из движущих сил, определявших долгое время творческие установки архитекторов, было стремление избавиться от пространственной атрибутики прежних ценностей и созданной на них культуры, найти новые архитектурно-пространственные формы, отвечающие ценностям нового, социалистического общества, реализовать их, прежде всего, здесь, в Москве, а затем тиражировать во множестве других городов.

В тридцатые годы разработке генерального плана предшествовал активный поиск конструктивного и четкого решения проблемы старого и нового, дальнейшего активного и гармоничного развития Москвы и её центра. Идея создания нового представительного столичного форума советского времени возникла в 1934-1935 гг. при разработке конкурсных проектов здания Наркомтяжпрома, в котором приняли участие ведущие архитекторы: Веснины А. А. и В. А., Гинзбург М. Н., Леонидов И. И., Иофан Б. М., Фомин И. А. и др. Конечно, это здание намечалось в самой сердцевине средневекового ядра города, в работах этого периода явно недооценивалось историко-архитектурное наследие Москвы. Однако, все эти проекты и идеи наглядно свидетельствуют о том, что необходимость создания созвучного новой социалистической эпохе столичного центра в этот период осознавалась достаточно отчетливо, она стала безотлагательной идейно-политической задачей, которая осознавалась всеми гражданами. Как бы мы не относились к проектам Дворца труда, Дворца Советов или здания Наркомтяжпрома, появление этих новых архитектурных доминант Москвы в свое время оправдывалось их огромной идеологической ролью.

В историческом прошлом Москвы хорошо прослеживаются попытки преобразования и самой архитектуры столицы, её центра, важнейших сооружений. Действительно, были эпохи, когда о сохранении архитектурного и градостроительного наследия мало заботились, были нередки случаи сознательного уничтожения старых зданий, комплексов и целых городов с тем, чтобы возвести на их месте новые. Так, на протяжении XIV в. дважды перестраивался Московский Кремль, в конце XV в. белокаменные стены Дмитрия Донского были заменены дошедшими до нас кирпичными, а все ведущие храмы – более величественными новыми. Можно вспомнить надстройку колокольни Ивана Великого при Борисе Годунове, проектирование В. И. Баженовым Большого Кремлёвского дворца, строительство величественного храма Христа Спасителя – монумента в честь победы России в Отечественной войне 1812 г. и т.п.

Эти общеизвестные события в жизни Москвы называли не иначе, как этапами её закономерного поступательного развития. Так, по существу, и было, и, наверное, из числа современников, видевших расцвет Кремля, тоже никто не сожалел об исчезновении ветхих белокаменных, а тем более деревянных укреплений, старых приземистых храмов.

Строительство этих сооружений преследовало, несомненно, также и идейно-политические цели: прославления государства, его возросшей мощи, силы, значения на международной арене, патриотические мотивы и отражало масштабы идей, веяний и эстетику новых эпох.

Как феномен культурный, политический, идеологический, Москва сравнима с многими городами мира, но и в этом сравнении определение её быстро меняющейся, растущей роли требовало постоянного переосмысления. Отсюда вытекала группа проблем социально-архитектурного характера: создание такого архитектурного облика столицы первого в мире социалистического государства, который, воплощая ценности социализма, наглядно отражал бы преимущества социализма, репрезентировал бы его достижения. Их ре-

шения требовали пересмотра функций многих зон и пространств города, социально-организационных изменений, создания принципиально новых композиционных архитектурных и художественных построек.

Новое строительство в сложившемся ядре каждый раз в той или иной степени оказывается связанным с нарушениями его исторической ткани: окружение ценных памятников, масштаба застройки, композиционных связей. Очевидно, что любое новое строительство в историческом городе чревато утратами культурного наследия. Но важно было найти форму и меру таких изменений, которые бы отвечали социальным требованиям времени.

Желание сохранить Москву как ценнейший историко-архитектурный памятник находилось в прямом противоборстве со стремлением наделить город новыми архитектурно-градостроительными качествами. В прямом соответствии с крупными социальными задачами развития нашего общества ставились и задачи объемно-пространственного преобразования Москвы.

Архитекторы ощущали сложность проблем развития Москвы, видели потребность в сохранении её наиболее ценного наследия и установлении преемственных связей между настоящим и прошлым, ставили задачу создания качественно новой архитектурно-пространственной среды города на основе творческой интерпретации его архитектурного и градостроительного наследия. Однако сама идея решительного обновления всего архитектурно-пространственного облика города не вызывала сомнений. Она казалась социально оправданной в то время, когда впервые строилось общество социализма.

Думается, что ни один из генеральных планов, определявших развитие Москвы в советское время, не обладал столь очевидной и ясно выраженной концепцией, как генеральный план 1935 г., концепцией, в основе которой лежал не менее очевидный и ясно выраженный социальный заказ.

Список источников и литературы

1. *Большой итог, еще больше задачи!* (1932). // Строительство Москвы. № 1 (86). С. 1.
2. Воблый, И. Г. (1931). *За плановое оформление московских площадей* // Строительство Москвы. № 5 (78). С. 35.
3. Горный, С. М. (1930). *Планировка Москвы* // Коммунальное хозяйство. № 6 (104). С. 17.
4. *Избиратели предлагают* (1935). // Строительство Москвы. № 1 (125). С. 33-34.
5. *История Москвы* (1959). Москва: Издательство Академии наук СССР. Т. 6. Кн. 2. 630 с.
6. *Коммунальное хозяйство на высшую ступень* (1931). // Правда. 20 июня.
7. КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК. (1970). Москва: Политиздат. Изд. 8-е, Т. 3. 552 с.
8. КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК. (1970). Москва: Политиздат. Изд. 8-е, Т. 4. 581 с.
9. Московский Совет за 10 лет работы. 1917-1927. (1927). Москва: Издание Московского Совета Р., К. и КР. Д. 597 с.
10. О Генеральном плане реконструкции города Москвы. Постановление СНК СССР и ЦК ВКП(б). (1935). Москва: Партиздат ЦК ВКП(б). 23 с.
11. *Об организации дела проектирования зданий, планировки города и отвода земельных участков в г. Москве. Постановление бюро МГП ВКП(б) и Президиума Моссовета РК и КД от 23 сентября 1933 года* (1933). // Строительство Москвы. № 9 (109). С. 5.
12. Перчик, Л. М. (1934). *Москва на стройке* // Строительство Москвы. № 11(122). С. 9.

13. *Письмо – обращение московских архитекторов. Мы должны строить самые красивые, самые благоустроенные здания в мире* (1934). // *Строительство Москвы*. № 10 (122). С. 11-12.

14. *Пленум Московского Совета с активом фабрик, заводов и Метростроя — товарищу Сталину* (1934). // *Строительство Москвы*. № 7 (119). С. 1-2.

15. *Решения партии и правительства по хозяйственным вопросам*. (1967). Москва: Политиздат. Т. 2. 798 с.

16. Семёнов, В. Н. (1935). *Архитектурная реконструкция Москвы* // *Вопросы архитектуры АА СССР*. Москва: ОГИЗ. ИЗОГИЗ. С. 119-158.

17. Хазанова, В. Э. (1980). *Советская архитектура первой пятилетки*. Москва: Наука. 373 с.

18. Черкасский, И. Н. (1931). *Пролетарскую архитектуру на передовые позиции строительного фронта* // *Строительство Москвы*. № 8 (84). С. 8-9.

19. Чернышев, С. Е. (1935). *План реконструкции столицы* // *Строительство Москвы*. № 7-8 (131). С. 11.

References

1. *Bol'shoj itog, eshche bol'she zadachi!* (1932). [A big result, even more tasks!] in *Stroitel'stvo Moskvy*, 1. (in Russian).

2. Voblyj, I. G. (1931). *Za planovoe oformlenie moskovskih ploshchadej* [For the planned design of Moscow squares] in *Stroitel'stvo Moskvy*, 5. (in Russian).

3. Gornyj, S. M. (1930). *Planirovka Moskvy* [Layout of Moscow] in *Kommunal'noe hozyajstvo*, 6. (in Russian).

4. *Izberateli predlagayut* (1935). [Voters suggest] in *Stroitel'stvo Moskvy*, 1. (in Russian).

5. *Istoriya Moskvy* (1959). [History of Moscow]. Moscow, Akademia nauk SSSR Publ. 6. 2. (in Russian).

6. *Kommunal'noe hozyajstvo na vysshuyu stupen'* (1931). [Municipal services at the highest level] in *Pravda*, 20 iyunya. (in Russian).

7. *KPSS v rezolyuciyah i resheniyah s"ezdov, konferencij i plenumov CK* (1970). [The CPSU in resolutions and decisions of congresses, conferences and plenums of the Central Committee] Moscow, Politizdat. Izd. 8, Publ. 3. (in Russian).

8. *KPSS v rezolyuciyah i resheniyah s"ezdov, konferencij i plenumov CK* (1970). [The CPSU in resolutions and decisions of congresses, conferences and plenums of the Central Committee] Moscow, Politizdat. Izd. 8, Publ. 4. (in Russian).

9. *Moskovskij Sovet za 10 let raboty. 1917-1927* (1927). [Moscow Council for 10 years of work. 1917-1927.] Moscow, Izdanie Moskovskogo Soveta R., K. i KR. D. (in Russian).

10. *O General'nom plane rekonstrukcii goroda Moskvy. Postanovlenie SNK SSSR i CK VKP(b)* (1935). [About the Master Plan for the reconstruction of the city of Moscow. Resolution of the SNK of the USSR and the Central Committee of the CPSU(b).] Moscow, Partizdat CK VKP(b). (in Russian).

11. *Ob organizacii dela proektirovaniya zdaniy, planirovki goroda i otvoda zemel'nyh uchastkov v g. Moskve. Postanovlenie byuro MGP VKP(b) i Prezidiuma Mossoveta RK i KD ot 23 sentyabrya 1933 goda* (1933). [About the organization of the case of designing buildings, city planning and allotment of land in Moscow. Resolution of the Bureau of the IHP of the CPSU(b) and the Presidium of the Moscow City Council of the Republic of Kazakhstan and the CD dated September 23, 1933] in *Stroitel'stvo Moskvy*, 9. (in Russian).

12. Perchik, L. M. (1934). *Moskva na strojke* [Moscow on the construction site] in *Stroitel'stvo Moskvy*, 11. (in Russian).

13. *Pis'mo – obrashchenie moskovskih arhitektorov. My dolzhny stroit' samye krasivye, samye blagoustroennye zdaniya v mire* (1934). [A letter of appeal from Moscow architects. We

must build the most beautiful, most well-maintained buildings in the world] in *Stroitel'stvo Moskvy*, 10. (in Russian).

14. *Plenum Moskovskogo Soveta s aktivom fabrik, zavodov i Metrostroya — tovarishchu Stalinu* (1934). [The plenum of the Moscow Council with the assets of factories, factories and Metrostroy — to Comrade Stalin] in *Stroitel'stvo Moskvy*, 7. (in Russian).

15. *Resheniya partii i pravitel'stva po hozyajstvennym voprosam* (1967). [Decisions of the Party and the government on economic issues] Moscow, Politizdat Publ. (in Russian).

16. Semènov, V. N. (1935). *Arkhitekturnaya rekonstruktsiya Moskvy* [Architectural reconstruction of Moscow] in *Voprosy arhitektury*. Moscow, OGIZ, IZOGIZ Publ. (in Russian).

17. Hazanova, V. E. (1980). *Sovetskaya arhitektura pervoj pyatiletki* [Soviet architecture of the first five - year plan]. Moscow, Nauka Publ. (in Russian).

18. Cherkasskiy, I. N. (1931). *Proletarskuyu arhitekturu na peredovye pozicii stroitel'nogo fronta* [Proletarian architecture to the forefront of the construction front] in *Stroitel'stvo Moskvy*, 8. (in Russian).

19. Chernyshev, C. E. (1935). *Plan rekonstrukcii stolicy* [Capital reconstruction plan] in *Stroitel'stvo Moskvy*, 7-8. (in Russian).